

ГЛАВНАЯ АТЛАС СТРАНЫ ГОРОДА ДЕМОГРАФИЯ КНИГИ ССЫЛКИ КАРТА САЙТА О НАС

Google Online Advertising

www.google.co.uk/adwords

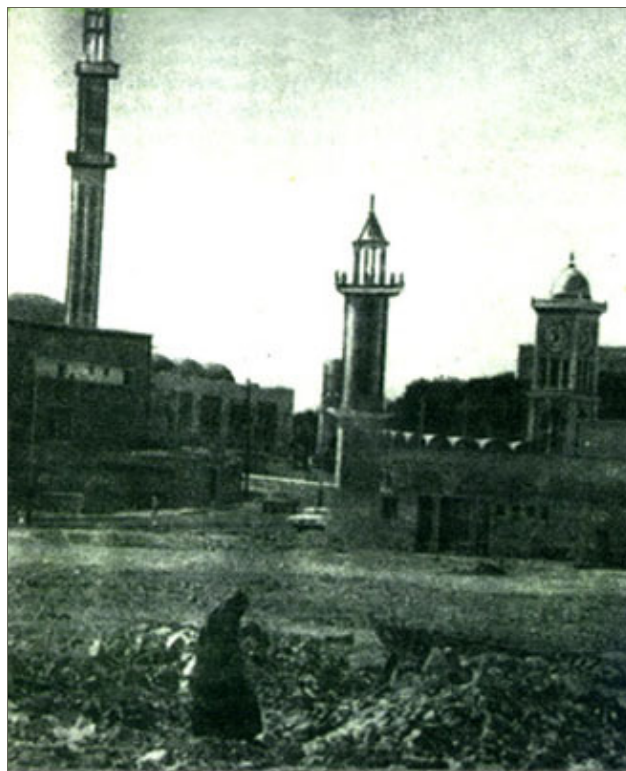
Get Your £75 AdWords Voucher Today. Call Us To Get Help Getting Started

фасадная плитка в Краснодаре и крае

НАРОД И КУЛЬТУРА

Местное арабское население обоих государств составляет около 30% их общей численности населения, значительную часть которого представляют иммигранты из ряда стран Азии и Африки.

Народ и культура

До того времени как были открыты местные залежи нефти, т. е. вплоть до начала 40-х годов XX в., население Катара не превышало 20 тыс. человек, а население всех семи эмиратов, вошедших позднее в состав ОАЭ, — 50 тыс. человек.

Население ОАЭ и Катара по своему расово-этническому типу очень неоднородно. В «донефтяную эпоху» прибрежное население, смешавшееся с выходцами из других стран Азии, в первую очередь из Ирана и отчасти из стран Восточной Африки, заметно отличалось от жителей внутренних районов, где преобладал классический семитский тип. Коренастые, широкие в кости жители прибрежных районов часто имеют выраженный негроидный тип: многие из них являются потомками ввезенных из Африки рабов. Кочевники же и их потомки, переселившиеся в города, обладают европеоидными чертами.

Как и в прочих районах Восточной Аравии, общество обеих стран традиционно

делилось на скотоводов-кочевников и полукочевников, земледельцев, ремесленников и торговцев. Прибрежные районы населяли рыбаки, ловцы жемчуга и моряки.

Верхушка общества состояла в то время из сейидов — высшего слоя аравийской мусульманской аристократии и шейхов — феодальных предводителей местных племен, осуществлявших светскую власть, а также купечества. Именитые купеческие семьи занимали видное место в социальной иерархии прибрежных городов, таких, как Дубай, Рас-эль-Хайма, Шарджа, Абу-Даби и Доха, опиравшихся в своем развитии на морскую торговлю с Индией, Ираном, Индонезией и Восточной Африкой, а также на жемчужный промысел.

Кочевники и выходцы из кочевых племен всегда составляли особый привилегированный слой общества. Все они причисляют себя к бедуинам. Важно подчеркнуть, что в современной Аравии понятие «бедуин» указывает лишь на племенную принадлежность, а вовсе не на образ жизни той или иной группы населения. Иными словами, современный бедуин совсем не обязательно кочевник. Оседая в оазисах и городах, выходцы из кочевых и полукочевых племен становились торговцами, ростовщиками, земледельцами, шли на службу в армию и полицию. В настоящее время этот процесс фактически завершен. Целые племена давно уже перестали кочевать, осели в городах, однако, став горожанами, вчерашние бедуины до наших дней в большей или меньшей степени сохранили пережитки племенной организации.

Если говорить в целом, то бедуины — это верхний, привилегированный слой общества, который в свою очередь делится на выходцев из «сильных» или «слабых» в прошлом верблюдоводческих кочевых или овцеводческих полукочевых племен.

На другом полюсе общества находились вольноотпущенники и рабы — ведь институт рабства был фактически ликвидирован в Аравии только в XX в., сохранившись во внутренних районах до начала 60-х годов.

Нефтяной фактор — доходы от экспорта нефти, постоянно возрастающие в 70-е годы по мере роста цен на жидкое топливо, — стал могучим катализатором не только экономических, но и социальных сдвигов в обеих странах. Однако и этот исключительный по силе ускоритель трансформации жизни Катара и ОАЭ не до конца еще ликвидировал старые, традиционные пережитки.

Религиозные различия также были и остаются важным фактором в социальной структуре традиционного общества стран Восточной Аравии. Коренное население этого района исповедует мусульманскую религию, но среди него имеются как приверженцы ортодоксального направления в исламе — сунниты, так и сторонники другого основного направления этой религии — шииты. Существенное значение имеет принадлежность к одному из религиозных толков («мазхабов»), так как она накладывает свой отпечаток на социальный статус человека в аравийском обществе.

Горожане Катара и ОАЭ, а также остатки кочевников — это в основном сунниты (ваххабитского и маликитского толков), а земледельцы в оазисах — шииты. Понятно поэтому, что в районах, вошедших в ОАЭ и Катар, местное население всегда было и продолжает оставаться по сей день достаточно неоднородным по религиозной принадлежности.

Кочевник с соколом на охоте (ОАЭ)

В каждой из этих стран имеется господствующая религиозная община, причем не обязательно составляющая большинство населения, и одна или несколько подчиненных, а иногда и угнетаемых общин. К первым повсеместно относятся суннитские общины: ваххабитская в Катаре и маликитская в ОАЭ. Вторую группу составляют шииты-имамиты, а также карматы (исмаилиты).

В ОАЭ и Катаре, так же как и в прочих нефтяных монархиях Аравийского полуострова, шиитские общины практически не представлены в высших эшелонах политической власти. Потомки земледельцев, рыбаков, ловцов жемчуга, а тем более рабов до сих пор занимают низшие ступени на социальной лестнице. Женитьба между представителями элиты и низших сословий до сих пор практически исключена.

В первые десятилетия нынешнего века хозяйство эмиратов Договорного Омана и Катара опиралось на морскую торговлю и морские промыслы, скотоводство, оазисное земледелие и ремесленное производство.

В суровых в целом природных условиях региона, занятого пустыней с редкими оазисами, море издавна играло видную роль в хозяйстве местных жителей. Население традиционно сосредоточивалось главным образом на побережье, где можно было заниматься мореходством, рыбной ловлей, добычей жемчуга, торговлей. Морская торговля, хотя в значительной степени и подорванная английскими колониальными властями, велась как в пределах Персидского и Оманского заливов, так и в более широких масштабах — между портами Договорного Омана и Индией, Ираном, государствами Восточной Африки. Особенно больших успехов в этой области достиг Дубай, превратившийся в важнейший порт транзитной торговли. Возросло также значение портов Шарджа и Рас-эль-Хайма. В удовлетворении внутреннего спроса на продукты питания заметную роль помимо рыболовства играл лов лангустов, креветок и каракатиц. Однако основой экономики всегда был и оставался вплоть до 30-х годов нынешнего века жемчужный промысел. Тысячи ныряльщиков, матросов и людей других профессий кормились за счет этой отрасли хозяйства. Известно, что в начале нынешнего века жемчужный промысел давал до 80% национального дохода и в нем было занято 85% самодеятельного населения эмиратов Договорного Омана. Недаром еще сравнительно недавно в странах Персидского залива бытовала пословица:

«Молитва — вера, а ныряние — обычай».

В начале XX в. с побережья Персидского залива в основной сезон жемчужного промысла, называвшийся «большим нырянием» и продолжавшийся с начала июня до начала октября, в море выходило до полутора тысяч судов — доу. Как правило, правитель каждого эмирата издавал особый указ, где назначалась дата начала сезона.

В зимние и весенние месяцы бывало два «малых» сезона лова, каждый продолжительностью по несколько недель и с меньшим числом участников. Следовательно, большая часть населения, профессионально связанного с жемчужным промыслом, оказывалась занятой лишь четыре месяца в году, остальное время года оно должно было существовать на заработанное ранее в сезон промысла. Не удивительно, что ныряльщики попадали в кабалу к ростовщикам, как правило, владельцам судов. Долги переходили от отца к сыну, так что многие с самого рождения были обречены выплачивать долги дедов и отцов, не имея возможности не только бросить профессию, но даже перейти к другому хозяину.

К каждому ныряльщику во время работы прикреплялся помощник, который должен был поднимать его на поверхность. Рабочий день ныряльщика начинался с восходом солнца и продолжался до заката. Погружение происходило с помощью тяжелого камня, привязанного веревкой к судну. Второй веревкой ныряльщика обвязывали под мышками и поднимали его на поверхность. Опустившись на дно, ныряльщик собирал в висящую на шее корзинку 8—10 раковин-жемчужниц и дергал за веревку. Вместе с подъемом на поверхность это занимало минуту-полторы. Отдыхавшись, ныряльщик снова уходил на дно; после десяти погружений полагался отдых на палубе. За весь рабочий день ныряльщик делал 40—60 погружений при обычной глубине от 10 до 25 м. При работе на больших глубинах ему полагалось два помощника.

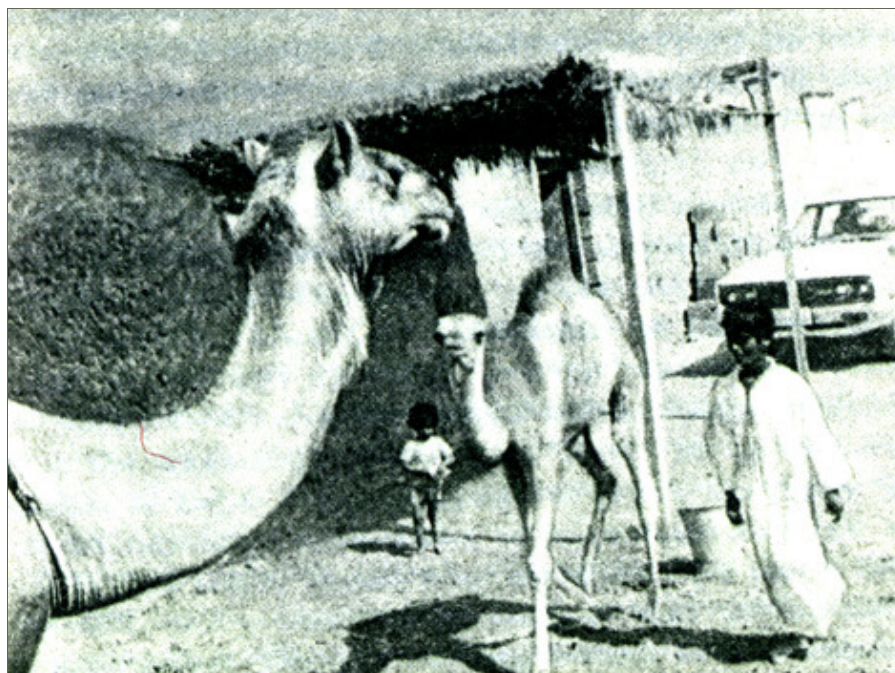

Так рыбаки издавна строят свои суденышки-доу (Катар)

На судне в зависимости от его размера работало от 10 до 40 ныряльщиков, и все добытые ими раковины складывались на палубе в общую кучу, так что ни один из них не мог сказать, чьи раковины оказались с жемчугом, а чьи пустыми.

В целом жемчужный промысел находился в руках купеческо-ростовщической прослойки, владевшей большей частью судов и монополизировавшей скупку жемчуга, а также его сбыт на внешних рынках. Появление дешевого культивированного японского жемчуга, наводнившего мировой рынок, окончательно подорвало эту некогда ведущую отрасль хозяйства эмиратов. К 70-м годам жемчужный промысел фактически прекратился повсеместно.

Сельским хозяйством в «донефтяную эпоху» занимались немногочисленные крестьяне и полукочевники внутренних наименее засушливых районов эмирата Абу-Даби, а также жители плодородной равнины Эль-Батина на побережье Оманского залива (в эмиратах Эль-Фуджайра и Шарджа). Обширные, по местным масштабам, сельскохозяйственные угодья находились на территории эмирата Рас-эль-Хайма. Кроме традиционных для аравийской деревни финиковых рощ, огородных и бахчевых культур земледельцы выращивали зерновые — в основном дурру и дохн (вид проса), табак.

И поныне с верблюдами связана жизнь коренного населения Катара и ОАЭ

Аравия традиционно славится своими верблюдами и лошадьми. В Катаре и ОАЭ распространен одногорбый верблюд — дромедар. Часто могущество племени измерялось количеством принадлежащих ему верблюдов. Кочевники, которым верблюд давал молоко, сметану, сыр, шерсть, шкуры и мясо, всегда считали его не только полезным, но и умным, благородным и красивым животным, без участия которого не обходилось ни одно событие в жизни племени (в старые времена новорожденных в Аравии по традиции омывали верблюжьей мочой и посыпали сухим верблюжьим пометом).

Верблюд незаменим в условиях пустыни. Живет он в таких природных условиях, в каких другие домашние животные не могут существовать. В жарких странах, к которым относятся все страны Аравии, специальные беговые верблюды заменяли верховую лошадь, пробегая с седоком без остановки до 130 км в сутки. Однако главное достоинство верблюдов — это их исключительная, вошедшая в поговорки неприхотливость и способность переносить на спине вьюки с тяжелыми грузами на далекие расстояния по караванным тропам в сыпучих песках жарких безводных пустынь. Верблюд способен в летний период обходиться без воды в течение 3—8 суток, а в зимний — до 20 суток. Аравийский дромедар как вьючное животное

намного превосходит и мула и лошадь. При дальних переходах он ежедневно проходит по 30—40 км и при этом несет на себе вьюки весом 250—300 кг. Несмотря на свой внушительный вес — 550—700 кг — верблюд легко и плавно движется по песчаному «морю»; он и впрямь «корабль пустыни». Благодаря особому строению своих ног этот тяжеловес идет по барханам гораздо легче, чем мул или конь, чьи узкие копыта глубоко увязают в песке. Верблюд тем же спокойным и размеренным шагом передвигается по лавовому полю, где острые камни раскалывают конские копыта.

Однако гораздо большей известностью пользуется знаменитая арабская лошадь, оказавшая огромное влияние на европейское коневодство, так как благодаря ей были созданы такие две известные породы лошадей, как английская чистокровная скаковая и орловский рысак.

Слава арабских лошадей с древнейших времен гремела по всему миру. Историки сообщают, например, что вождь гуннов Аттила ездил во время своих походов на арабском скакуне.

Лошадь в странах Аравии не используется в хозяйстве и ходит только под седлом. Лишь вожди племен, владевшие сотнями верблюдов, могли позволить себе роскошь содержать знаменитых арабских скакунов. В наше время по-прежнему породистый арабский скакун — достояние лишь немногих богачей. Местный житель, даже имеющий возможность купить автомобиль самой последней модели, не в состоянии приобрести чистокровного арабского скакуна.

Несмотря на сравнительную бедность фауны, большой популярностью среди жителей Катара и ОАЭ пользуется охота. Охотничий сезон приходится на начало зимнего периода, когда прилетают на зимовку птицы, охота на которых ведется с помощью специально обученных соколов. Хорошо обученный сокол стоит дороже новейшего автомобиля и поэтому лишь зажиточные жители обеих стран могут себе позволить иметь охотничьего сокола.

Охота на газелей, почти исчезнувших к настоящему времени из-за хищнического их истребления, ведется с помощью арабской гончей («салуки»), которая известна на Ближнем Востоке еще со времен египетских фараонов. Эта собака в состоянии загнать даже быстроногую газель, так как может развить скорость до 70 км в час. Слово «собака» является у арабов ругательным и поэтому они никогда не называют салуки собакой и даже пускают ее в свои дома. Иметь салуки — привилегия состоятельных людей, поскольку чистокровных салуки осталось крайне мало и стоят они очень недешево. В период охотничьего сезона охота часто ведется не с помощью салуки, а на несущихся по пустыне автомобилях, из которых охотники стреляют по тщету пытающимся скрыться газелям.

В зимний сезон, когда солнце палит не так беспощадно, и пустыня покрыта травой, местные жители любят совершать поездки за город. Они захватывают с собой бедуинские шатры, изготовленные, как правило, где-нибудь в Сингапуре или Гонконге, принадлежности для приготовления чая и кофе, и приглашают музыкантов с традиционными арабскими музыкальными инструментами: эль-удом (лютня), дарбукой (глиняный горшок с натянутой кожей), рабабом (струнный инструмент).

Жители Катара и ОАЭ, как и население других арабских стран, предпочитают классическую арабскую музыку, основанную на одноголосии. Даже при многих участниках исполнение идет в унисон или в октаву. Лишь изредка на некотором продолжении присоединяется выдержанная нота в басовых инструментах. Мелодическая линия арабской музыки чрезвычайно развита и склонна к богатой и

цветистой мелизматике (орнаментике напева). Часто в ансамблях из голосов и инструментов одни партии исполняют напев в упрощенном виде, другие — с разнообразными мелизмами.

Заметную роль в традиционном хозяйстве эмиратов играло ремесленно-кустарное и домашнее производство предметов первой необходимости. Во внутренних районах ремесленник, как правило, не выходил на рынок со своей продукцией: обслуживая жителей оазиса или кочуя с племенем, он взамен получал натуральную плату. Зато ремесленники прибрежных городов были уже организованы по цеховому принципу и продавали свои изделия на рынке. Среди жителей стран Аравийского полуострова наибольшую известность получили изделия катарских ткачей, занимавшихся выделкой тонкой шерстяной ткани и изготовлением одежды из нее. При этом наиболее знаменитой была полосатая шерстяная ткань. Историки утверждают, что пророк Мухаммед — основатель мусульманской религии — носил одежду, изготовленную ткачами Катара.

За последние два-три десятилетия ремесленное производство пришло в упадок, а во многих районах практически исчезло. Исчезают профессии кузнеца, оружейника, медника — всех их разорила конкуренция промышленных товаров. Глубокие изменения уклада жизни сократили спрос на традиционные товары. Ушло в прошлое и местное гончарное производство, не стало кожевников, изготавливавших сандалии, пояса, сумки, седла и многое другое.

Но отдельные виды ремесленного производства все же сохранились. Это выделка традиционных украшенных вышивкой головных уборов («кахфийя»), столярных изделий — главным образом резных дверей и ставен. Спрос на продукцию жестянщиков, изготавливающих в основном желоба для сбора дождевой воды, дымовые трубы, бидоны и баки для хранения воды, за последние годы даже возрос.

Ювелиры также занимают весьма прочные позиции, несмотря на натиск промышленных изделий. Сохраняется, правда в очень незначительных масштабах, и традиционное судостроение: доу по-прежнему весьма широко используются в прибрежных районах.

Традиционные социальные различия, религия, хозяйственные особенности нашли отражение в типе одежды местного населения.

По традиции мужская одежда состоит из длинной белой рубахи с застежкой у ворота («сауб») и головного платка — белого или красно-белого («гытра» или «чмаг»), который держится на голове с помощью специально сплетенных шнуров («игяль»). «Гытра» надевается обычно в летнее время — она из тонкой белой материи, а «чмаг» из плотной красно-белой, пестрого рисунка материи надевается на шапочку «кахфийю» в зимнее время. Поверх этой одежды в прохладную погоду жители накидывают коричневый, белый или черный плащ из верблюжьей шерсти («бишт»). Однако в последнее время традиционная арабская одежда у мужчин все чаще начинает сочетаться с европейской — поверх «сауба» надевают пиджак, носят модные туфли.

Рыбаки Абу-Даби в оазисе Эль-Айн (ОАЭ)

У женщин традиционная арабская одежда сохранилась в большей степени. И теперь трудно встретить жительницу этих стран без черного, иногда украшенного серебряным шитьем или монетами покрывала («аба») и лицевого платка («бушийя»), закрывающего рот и нос. Иногда, чаще в земледельческих оазисах, женщины закрывают лицо не платком, а плотной маской («буркуа») с прорезями для глаз, отделанными позументом. Во внутренних районах обеих стран бедуинки кочевых племен обычно не носят чадры, а надевают ее лишь во время посещения городов.

Еще в недалеком прошлом национальная кухня жителей Катара и ОАЭ была сугубо традиционной и не отличалась большим разнообразием. Основным продуктом питания были финики, из которых умелая аравийская хозяйка могла приготовить чуть ли не полсотни блюд, а также фасоль, кукурузные лепешки, козий и овечий сыр, по особо торжественным дням подавался плов из баранины. И конечно, ни одна трапеза не обходилась без ритуала приготовления арабского кофе или чая. Теперь многое изменилось в рационе местных жителей. Сегодняшний их стол мало чем отличается от европейского, разве что остротой подаваемых кушаний. Импортные продукты — от муки, баранины и бройлеров до соков и джемов — стали основой рациона местных жителей. Вместе с быстрым ростом общего уровня жизни возросли и стандарты потребления — теперь уже жители Катара и ОАЭ не представляют себе жизни без коровьего молока, молочных продуктов, повседневной мясной пищи, разнообразных кондитерских изделий, соков и прохладительных напитков и много другого, без чего раньше обходились их деды и отцы.

Несмотря на широко распространяющиеся в последние годы внешние черты западного образа жизни, общественные и особенно семейные отношения остаются по-прежнему до некоторой степени патриархальными, традиционными. В наименьшей степени процесс модернизации затронул положение женщины. Это выражается не только в том, что она носит традиционное покрывало и чадру, но и в продолжающейся изоляции женщины от общественно-экономической жизни. Она по-прежнему практически лишена возможности работать. В лучшем случае ей можно рассчитывать на место в детском саду, женской школе, медицинских учреждениях, обслуживающих женщин. Но например, для того чтобы женщина смогла занять место диктора на телевидении Катара, потребовалось специальное

разрешение главы государства. Доля женщин, занятых вне сферы домашнего хозяйства, до настоящего времени ничтожно мала.

Хотя в «донефтяную эпоху» общество, сложившееся на территориях, вошедших позднее в границы Катара и ОАЭ, было докапиталистическим, товарно-денежные отношения уже тогда начинали играть заметную роль прежде всего в главных торговых центрах — Дубае, Шардже, Рас-эль-Хайме, Абу-Даби, Дохе. После открытия нефтяных месторождений в Аравии капиталистическое развитие положило начало формированию новых для этих стран классов, изменению всей структуры аравийского общества. В первую очередь это коснулось как бедуинов, так и оседлых жителей в «глубинке» — оазисах и мелких поселениях. Нефтедоллары дали толчок массовому оттоку сельских жителей в города.

Этот процесс зашел в обеих странах настолько далеко, что в настоящее время приобрел свои крайние формы — практически все их население стало городским. Уже в середине 70-х годов доля городского населения в Катаре превысила 91%, а в ОАЭ почти достигла 90%, причем этот процесс продолжается. Доля городского населения в Дубае составляла в конце 70-х годов 95%, а Абу-Даби — 91% и т. д. При этом главным фактором роста численности горожан в этих сравнительно недавно малонаселенных районах остается иммиграция. Иностранцы, приезжающие на заработки в Катар и ОАЭ, оседают почти исключительно в городах, непрерывно обрастающих, несмотря на интенсивное жилищное строительство, всевозможными временными поселками.

Что же касается коренных жителей Катара и ОАЭ, осевших в городах, то они, являясь в своем абсолютном большинстве земледельцами и кочевниками, не смогли, естественно, сразу же отвыкнуть от традиционного мышления, от племенного самосознания. Племенные связи у них сохраняют свое значение — главным образом при решении вопросов трудоустройства, продвижения по службе, вступления в брак.

Однако городские жители в настоящее время в значительной мере утратили чувство принадлежности к тому или иному племени. Разрушение племенной организации обществ обеих стран, неизбежно происходящее под влиянием развития капиталистических отношений, идет крайне неравномерно и захватило различные социальные слои в разной степени. Во внутренних районах процесс разложения племен идет гораздо медленнее, и обычаи более живучи. Так, приходит в упадок традиционное кочевое хозяйство, в результате чего разоряется основная масса кочевников и полукочевников.

Практически вся хозяйственная, культурная и общественная жизнь Катара и ОАЭ сосредоточена в столицах. В ОАЭ велика роль в этом отношении не только федеральной столицы — города Абу-Даби, но и столиц остальных эмиратов. Население крупнейших городов обеих стран за последние 15—20 лет многократно увеличилось. До нефтяного бума все они, за исключением Дубая и Шарджи, представляли собой по сути дела небольшие прибрежные поселки, застроенные домами из сырцового кирпича или обтесанных коралловых плит. Лишь немногие дома имели больше двух комнат. В одноэтажных городах и крупных селениях тех времен единственными высотными зданиями были башни каменных дворцов, принадлежавших правителям княжеств. Некоторые земледельческие поселения в оазисах не простирались дальше старинных глинобитных стен, увенчанных сторожевыми башнями.

Из такого поселения возникла и столица Катара — город Доха, ранее состоявший лишь из восьми изолированных кварталов глинобитных домов, над которыми возвышались мечети и построенная в 1850 г. турками крепость. Теперь от старого

города остались считанные дома. Прежние глинобитные жилища заменили современные многоэтажные здания из стекла, стали и бетона. По городу разбросаны причудливо украшенные дворцы членов правящей династии Аль-Тани и не лишённые своеобразного изящества мечети. Туристов привлекают не только они, но и словно вросшая в холм старая крепость, которая еще не так давно служила резиденцией правителей Катара. Ее толстые шестиметровой высоты стены молчаливо охраняют расположенные по углам башни. К востоку от старой крепости находится 22-метровая башня с электрическими часами, отбивающими каждые полчаса. Бой часов разносится далеко вокруг и служит сигналом для смены караула дворцовой стражи. Необычен по архитектуре дворец правителя, находящийся на берегу моря. Стрельчатые арки ворот, розовая цементная поверхность стен, украшенных мерцающими золотом звездочками, зеленая мозаичная плитка, которой облицованы колонны дворца, создают картину, словно сошедшую со страниц арабских сказок.

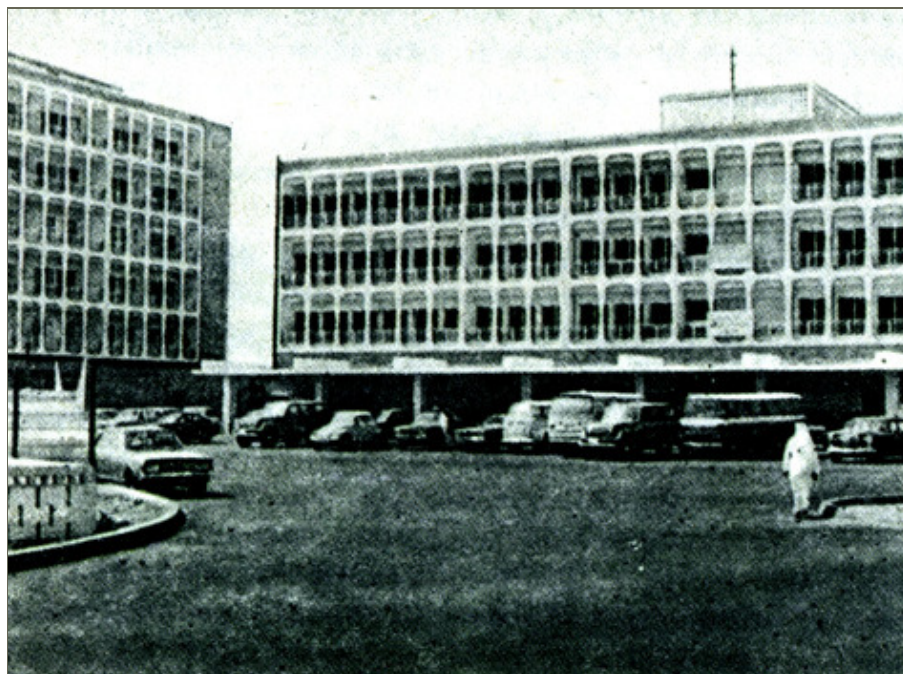
На улице в старом квартале Дохи - столице квартала

В Дохе немало административных зданий, которые могли бы украсить любой современный город. Правительство Катара не жалеет средств для строительства самых современных зданий и привлекает лучших архитекторов и высококвалифицированных мастеров Запада. В окрестностях столицы вырос целый город богачей — Нью-Доха, где за высокими заборами скрываются роскошные виллы, по вечерам освещаемые неоновыми надписями с именами владельцев. А в близлежащих поселках целые кварталы заняты «бидонвиями» — бараками, в которых ютятся рабочие-иммигранты.

В современной Дохе насчитывается свыше 190 тыс. жителей, что составляет 86% населения страны. Большая часть их занята в торговле, строительстве, банковской сфере, правительственных учреждениях и филиалах иностранных фирм, авторемонтных мастерских и промышленных предприятиях. В столице насчитывается свыше полутора сотен мечетей. Все они радиофицированы, и теперь не увидишь муэдзина, призывающего с высокого минарета верующих на молитву — достаточно пропеть призыв к молитве в микрофон или же вставить соответствующую кассету в магнитофон.

В Катаре за последние десятилетия выросли два совершенно новых современных города, появление которых тесно связано с историей добычи нефти в стране.

В 96 км к северо-западу от столицы, среди невысоких холмов, лежит город Духан, ставший одним из центров быстро развивающейся нефтехимической промышленности Катара. До начала нефтяных работ в этой местности находилась лишь бедная деревушка Фухей-лиль. В городе имеются предприятия по выпуску различных нефтепродуктов, улицы освещаются электричеством, имеются аэродром, больница, школы. Духан соединен со столицей современной автомагистралью и газопроводом, по которому в Доху поступает газ для опреснительных установок и электростанций.

Современные кварталы Дохи

В 35 км к югу от столицы на берегу залива находится город Умм-Саид. Этот город проектировался и был построен прежде всего как промышленная зона и морские ворота страны. Здесь заканчивается нефтепровод, по которому катарская нефть из Духана поступает к рассчитанному на прием супертанкеров терминалу, где грузится в танкеры. Порт в Умм-Саиде обслуживает сталеплавильный и нефтехимические заводы, предприятия по сжижению газа, через него идет экспорт и импорт самых различных грузов. Автострада соединяет Умм-Саид со столицей и Духаном. Недалеко от Духана находятся город Зикрит с мелководным портом, используемым для торговли с Бахрейном, и Умм-Баб, где работает крупнейший в стране цементный завод.

Города ОАЭ, в которых сосредоточено почти все население эмиратов, на протяжении 70-х годов представляли собой строительные площадки, где непрерывно сносились старые кварталы и на их месте, а также рядом в пустыне вставляли целые районы типовых жилых домов для граждан с ограниченным доходом, виллы богатых семей, административные здания, банки, конторы компаний, промышленные предприятия. Во всех столицах эмиратов в 70-х годах появилось множество роскошных гостиниц международного класса, причем некоторые из них были выстроены в таких районах, где еще десяток лет назад нельзя было увидеть европейца. Гостиницы подобного класса, например «Хилтон», появились в оазисе Эль-Айн (Абу-Даби), в небольшом портовом городке Хаур-эль-Факкан, расположенном на побережье Оманского залива (Шарджа), в Рас-эль-Хайме.

Самым крупным городом ОАЭ является Абу-Даби — федеральная столица и

главный город одноименного эмирата. В переводе с арабского Абу-Даби означает «отец газели». Такое название эти земли получили за то, что в старину здесь паслись многочисленные стада этих грациозных и пугливых животных, ныне почти полностью исчезнувших. Город Абу-Даби расположен на острове треугольной формы, отделенном мелководной лагуной от материка. В настоящее время через лагуну переброшен полукилометровый мост.

Второй по величине город этого крупнейшего эмирата — Эль-Айн — носит имя оазиса, расположенного в глубине страны. Эль-Айн многократно увеличил свою площадь за последние годы, став к тому же первым в ОАЭ университетским городом.

Слово «дубай» по-арабски означает молодую, только что появившуюся из куколки саранчу. Как полагают, эмират Дубай получил такое название оттого, что в этой части пустыни когда-то был один из очагов зарождения саранчи. Город Дубай расположен в бухте, служащей удобной гаванью. Задолго до открытия нефти он стал главным центром транзитной торговли в зоне Персидского залива и сохраняет это значение до сих пор. Символом финансового процветания нынешнего Дубая стал 35-этажный Международный торговый и выставочный центр.

Панорама Дубая (ОАЭ)

Шарджа получила свое имя от арабского слова «шарк» — восток (в литературном арабском языке название этого эмирата звучит как «шарка»). Такое название ему было дано потому, что когда-то он был самым восточным из эмиратов, до того как от него отделились в 1866 г. Рас-эль-Хайма и в 1901 г. Эль-Фуджайра. Шарджа отличается от прочих эмиратов тем, что имеет три небольших анклава на побережье Оманского залива — Кальбу, Диббу и Хаур-эль-Факкан и потому граничит со всеми шестью эмиратами и Оманом. Шардже принадлежит также относительно крупный оазис Даид, соединенный со столицей автострадой.

Рас-эль-Хайма переводится как «место шатра». Эмират получил это имя, по преданию, от большого шатра, служившего в старину ориентиром для мореходов, которыми он славился. Это относительно крупный эмират, состоящий из двух частей. Северный анклав расположен на побережье Персидского залива, а южный отделен от него территорией Эль-Фуджайры и не имеет выхода к морю. Город Рас-эль-Хайма сохраняет свой традиционный облик. В нем еще преобладают старые

постройки, современных зданий мало.

Эль-Фуджайра получила название от родника, некогда бившего у подножия гор в том месте, где возник одноименный поселок. Это единственный эмират, целиком расположенный на побережье Оманского залива и одновременно в наименьшей степени затронутый нефтяным бумом последних лет.

Умм-эль-Кайвайн — эмират, название которого многие исследователи связывают с арабским словом «кыйун» — пустыня и переводят как «мать двух пустынь». Это небольшой по площади эмират: его территория вытянулась на 24 км вдоль побережья и на 30—35 км в глубь материка. Город Умм-эль-Кайвайн все еще остается не большим поселком, хотя федеральные власти и его облик понемногу приводят в соответствие с духом времени.

Аджман — самый маленький из эмиратов, получил свое название от племени аджман, расселившегося также на территории Саудовской Аравии. Его береговая линия всего 8 км. Город Аджман, хотя и значительно вырос за последнее время, все еще остается относительно небольшим.

Власть в обеих странах находится в руках правящих династий и породнившихся с ними аристократических семей, а также небольшой прослойки местных дельцов, связанных деловыми интересами с правителями и их многочисленными родственниками. К этой же группе примыкают высокооплачиваемые правительственные чиновники и высшее офицерство. Члены правящей элиты Катара и ОАЭ вместе с уже частично сложившейся торгово-финансовой буржуазией образовали своего рода «нефтекра-тию», которая может сказать: «Государство — это мы, наше семейное владение, наша монополия». Об истинных размерах состояний этих богатейших нефтяных баронов судить крайне трудно, так как подобные сведения содержатся в тайне. В Катаре, например, часто даже не публикуется государственный бюджет, так как, по всей видимости, он еще не полностью отделен от бюджета правящего семейства. Во всяком случае по размерам своих личных состояний властители Катара и богатых эмиратов ОАЭ вряд ли уступают таким олигархическим кланам империалистических государств, как Морганы или Дюпоны.

Верхушка буржуазии пополняется за счет некоторых представителей непривилегированных сословий и части натурализовавшихся выходцев из других арабских стран, Индии и Ирана. Эта часть крупной буржуазии занимает в целом подчиненное положение и вынуждена, как правило, искать опоры у представителей правящей элиты путем вовлечения их в свои деловые операции в качестве акционеров-учредителей, неофициальных патронов-покровителей и т. д.

Крупная компрадорская буржуазия, в том числе и непривилегированная ее часть, получает максимальные выгоды от «нефтяного процветания», в частности от правительственных мероприятий, направленных на создание благоприятных условий для расцвета частного предпринимательства. Кстати, от подобной политики получили определенные выгоды средние слои местной буржуазии — торговцы, крепнущая сельская буржуазия, хозяева небольших предприятий и мастерских в сфере услуг.

Заметно вырос жизненный уровень средних городских слоев и групп промежуточного типа, называемых обычно в европейской литературе «новым средним классом». Это главным образом служащие правительственных учреждений и частных компаний, интеллигенция, среднее офицерство.

Словом, в Катаре и ОАЭ во второй половине XX в. ускорился процесс разложения докапиталистических укладов, в ходе которого капиталистические

производственные отношения переплетаются с феодальными и даже дофеодальными пережитками. При этом, понятно, возникает немало разновидностей раннекапиталистических форм хозяйства, растут социальные слои и прослойки переходного типа. Торговец, банкир, офицер и даже промышленный предприниматель нередко связаны множеством родственных и социальных нитей с оседлыми или кочующими племенами. Его положение в обществе во многом зависит от происхождения, принадлежности к тому или иному роду и племени, вероисповедания, соблюдения традиций и т. п. При этом существующая власть не только не препятствует обуржуазиванию части населения, но и всячески содействует этому процессу. Многие из представителей феодальных слоев превращаются в крупных буржуа, снимая сливки с нефтяного бизнеса и финансовых операций.

Крупная неродовитая буржуазия Катара и ОАЭ готова пока мириться с «неудобствами» феодально-деспотической власти. Ее, видимо, вполне устраивает «мирное вращение» в существующую социально-политическую структуру, которая к тому же постепенно изменяется в интересах развития капитализма в обеих странах.

Что же досталось основной массе населения при колоссальном обогащении нефтекратии? Ее участие в нефтяном буме сводится, как правило, к получению «объедков с барского стола» в виде сравнительно небольшой части нефтяных доходов, отчисляемых правящей элитой с целью создать видимость участия широких слоев населения в дележе поступлений от продажи нефти, сгладить социальное неравенство, заглушить голоса недовольных. К тому же значительная часть населения находится в плену традиционных бедуинских и исламских ценностей, не знакома, как правило, ни с какими парламентски-демократическими формами власти и воспринимает как должное теократический монархический режим и сильный аппарат подавления.

К тому же, как ни мала выделяемая ей доля нефтяных доходов, в абсолютном выражении она достаточна для того, чтобы правящие круги могли «откупаться», гасить недовольство мелкой буржуазии, крестьян, рабочих и интеллигенции, вызываемое их политическим бесправием. При этом используется также довольно любопытный способ «трудоустройства» местной рабочей силы.

Дело в том, что жизненный уровень крестьян и батраков после начала нефтедобычи в Катаре и ОАЭ стал все больше отставать от уровня жизни горожан, что, естественно, привело к массовой миграции сельского населения в города. Наплыв иностранных товаров и развитие национальной промышленности фабрично-заводского типа в обеих странах разорили большинство мелких товаропроизводителей — ремесленников и кустарей. Все эти категории трудящегося населения стали на первых порах главным источником пополнения рядов молодого, родившегося вместе с началом нефтедобычи рабочего класса.

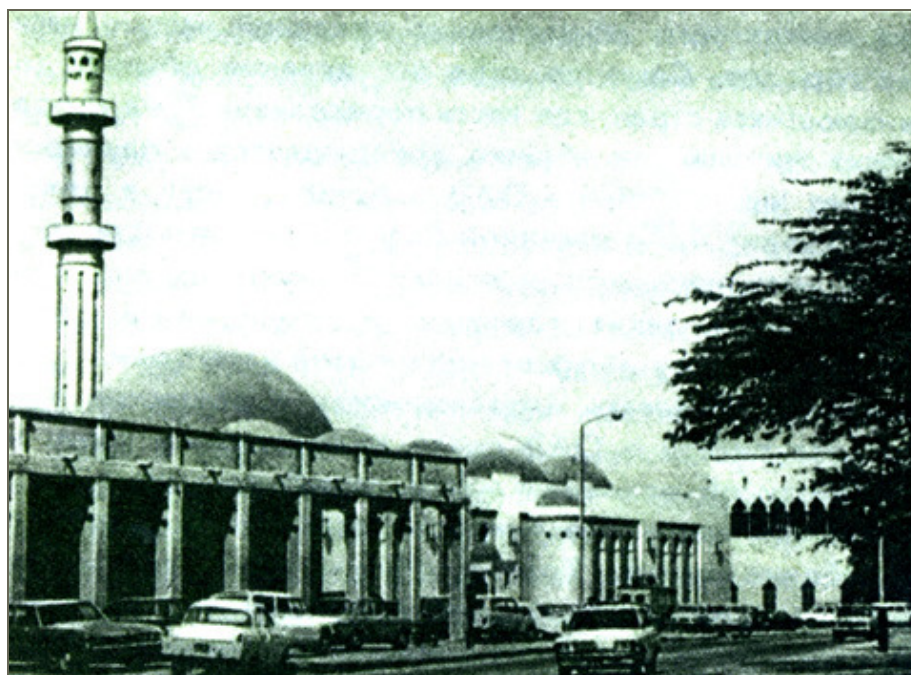
Однако производственная сфера обеих стран очень скоро ощутила нехватку рабочих рук вследствие малочисленности коренного населения, его общей неграмотности и отсталости, что стало тормозить экономическое развитие. Сказывались и низкая квалификация значительной части рабочих — выходцев из сельской местности, трудности их перехода к городским условиям жизни и их несоответствие возросшим требованиям современного хозяйства. Вчерашние батраки, полукочевники и рыбаки могли выполнять только самую неквалифицированную работу на современном производстве, на стройках и в сфере обслуживания.

Значительная часть коренного трудоспособного населения Катара и ОАЭ,

покинувшая деревню, долгое время не может стать общественно полезной частью населения городов. Само по себе это явление обычно для развивающихся стран, где часть переселившихся в города сельских жителей неизбежно превращается в пауперов. В странах же, подобных ОАЭ и Катару, этого в целом не происходит из-за широкой благотворительности государства, хотя, несмотря на относительную материальную обеспеченность таких горожан, их социальный статус позволяет все же многих отнести к этой категории.

Чтобы не создавать напряженности в обществе, правительства Катара и ОАЭ сочли необходимым взять на себя заботу об основной массе перебирающихся в города кочевников и крестьян, создавая приемлемые для них рабочие места. Хотя в официальных документах обеих стран делается упор на привлечение в перспективе местной рабочей силы в производственные секторы экономики, надежды эти до сегодняшнего дня не оправдались. В современном обществе Катара и ОАЭ рядовые его члены до сих пор не имеют реальных стимулов — как моральных, так и материальных, которые бы побуждали их работать в производственных секторах.

Опираясь на свои более чем значительные финансовые ресурсы, оба государства идут пока по пути искусственного создания дополнительных «престижных», по местным понятиям, относительно высокооплачиваемых, но в своей основе непроизводительных рабочих мест в государственном аппарате, армии, полиции. Это по сути дела один из путей перераспределения национального богатства в интересах тех, кто в иных условиях неизбежно пополнил бы ряды бедноты. В Катаре и ОАЭ появился уже заметный слой «рабочей аристократии», чей уровень жизни отличается от условий труда и быта рабочих в других развивающихся странах, а тем более рабочих-иммигрантов, на которых даже не распространяется куцее трудовое законодательство обеих стран.

Центральная мечеть в Дохе (Катар)

Наличие огромных свободных средств у правительств ОАЭ и Катара позволило им взяться за создание практически на пустом месте современных систем здравоохранения и просвещения.

Не располагая ни опытом, ни собственными кадрами, правительства Катара и ОАЭ вынуждены пока передавать строящиеся за счет государственного бюджета больницы под административный контроль иностранных, главным образом

английских, специализированных компаний по медицинскому обслуживанию.

За последние 10—15 лет больницы и клиники, в том числе крупные, были построены практически во всех эмиратах. В начале 80-х годов в пригородах Абу-Даби действовали крупнейшая в стране больница в Мафрак, больница матери и ребенка, военный госпиталь. Крупная больница открылась в оазисе Эль-Айн.

В Дубае также построена больница с финансовой помощью Кувейта, имеется детская лечебница с родильным отделением, психиатрическая клиника. Крупные больницы выросли в Шардже, Рас-эль-Хайме, Умм-эль-Кайвайне. На побережье Оманского залива были построены больницы в городах Эль-Фуджайра и Дибба. С середины 70-х годов работают частные клиники, открытые в Дубае и Шардже.

Наиболее крупным лечебным заведением Катара является столичный госпиталь Хамади. В Дохе и Умм-Саиде имеются частные клиники и больницы (в них могут лечиться только очень состоятельные люди).

Специфическое финансовое положение государств, получающих приток нефтедолларов, позволило осуществить бесплатное медицинское обслуживание в государственных больницах и клиниках — для граждан ОАЭ и Катара и платное — для иностранцев, временно занятых на работах.

Создание современной системы просвещения также по сути дела достижение последнего десятилетия. Вплоть до 1953 г., когда в Шардже открылась первая светская школа, в эмиратах существовали лишь традиционные мусульманские школы — куттабы. В Катаре первая государственная школа была открыта в 1951 г., обучались в ней только мальчики, изучавшие Коран, арабский язык, географию и историю.

В годы независимого развития произошли значительные сдвиги в этой области. Уже в 1971 г., в первый месяц существования ОАЭ, было введено обязательное обучение для мальчиков и девочек. Для отсталого общества, живущего традиционными представлениями и обычаями, с поголовно неграмотным в то время населением значение подобного шага трудно переоценить. Правда, речь идет о детях коренных жителей. Что касается иностранцев, работающих в стране, то они также получили право бесплатно обучать своих детей в местных школах, но не в обязательном порядке.

К 1980 г. в стране насчитывалось 283 школы всех ступеней, в которых обучалось около 200 тыс. детей. Важным событием в культурной жизни стало открытие в 1977 г. первого в стране университета в оазисе Эль-Айн. Уже в 1980 г. он выпустил 400 специалистов. Сотням студентов была предоставлена возможность получить образование в других арабских странах, а также в европейских и американских университетах за государственный счет.

В начале 80-х годов доля грамотных в ОАЭ оценивалась уже приблизительно в 30%. Разумеется, весь преподавательский состав в школах и тем более в университете комплектуется исключительно из иностранцев. Учащиеся также в основном дети иностранцев, что отражает общее соотношение между местными жителями и иммигрантами.

В Катаре, как и в ОАЭ, число школьников резко выросло в 70-е годы. В 1979/80 учебном году оно составило 37,7 тыс. человек. Обучение в школах ведется отдельно для девочек и мальчиков. Правительство Катара берет на себя все расходы по обучению детей, включая затраты на приобретение учебников, тетрадей, одежды и на питание. В дальнейшем предполагается охватить начальным образованием 100% детей, достигших школьного возраста, и до 66% расширить

охват средним образованием, для чего должно быть построено еще более 20 школ.

В 1973 г. принял первых студентов Университет Дохи, в котором в настоящее время обучается около 2000 студентов. Университет, призванный восполнить нехватку национальной технической и гуманитарной интеллигенции Катара, оборудован по последнему слову техники. Он имеет тесные связи с университетами других арабских государств, а также с крупнейшими западными образовательными центрами.

Таким образом, население Катара и ОАЭ на рубеже XXI века оказалось живущим как бы в двух временных плоскостях. От прошлого остаются абсолютная власть эмира, средневековые религиозные нормы шариата и Корана, действующие в общественно-политической жизни и в быту, засилье улемов и мулл, отказ даже от буржуазных форм демократии. Однако все более заметными становятся ростки нового. Строятся школы и больницы. Под грохот мощных бульдозеров исчезают старые города и деревни, на месте которых вырастают современные кварталы многолюдных городов. Входят в строй различные промышленные предприятия, оснащенные по последнему слову техники. Там, где еще недавно пролегали караванные пути, пустыню прорезают широкие автомагистрали. Все большее число катарцев и коренных жителей ОАЭ, овладев современными профессиями, становятся учителями, врачами, инженерами и т. д. Все меньше остается бедуинов-кочевников, многие из которых оседают в городах, идут на службу в армию и полицию, становятся шоферами такси, так как тяжелой физической работы на промышленных предприятиях они избегают. Быстро растут средние городские слои — служащие, офицерство, национальная интеллигенция.

Правящие круги намеренно способствуют распространению психологии потребительства среди коренных жителей, подчеркивают более высокий стандарт жизни местных рабочих по сравнению с рабочими соседних стран. В результате многие слои общества живут как бы в состоянии эйфории от пролившегося на них дождя нефтедолларов.

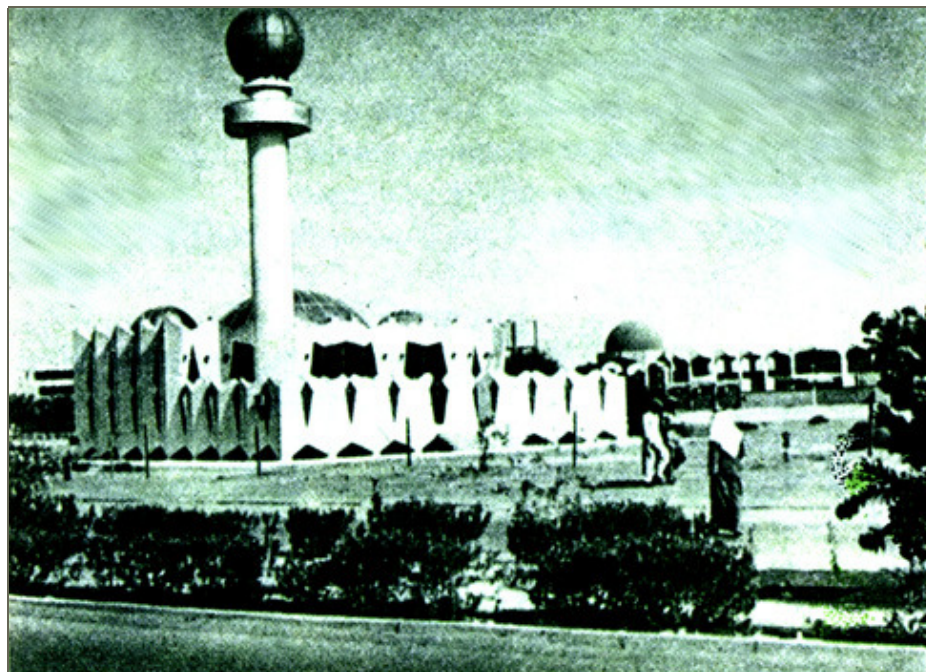
Вполне понятно, что спрос на рабочую силу и высокая оплата труда не могли не вызвать численного роста населения Катара и ОАЭ, которое многократно увеличилось за десятилетия нефтяного бума. Произошло это в основном за счет иностранцев, устремившихся в эти страны на заработки, а также в результате высокого естественного прироста коренного населения.

К 1975 г. численность коренного населения Катара, точнее, тех, кто имел местное гражданство, выросла до 68 тыс. человек, т. е. увеличилась в 3,5 раза по сравнению с началом 40-х годов. Несмотря на это, его доля в общей численности населения Катара, которая возросла за этот период в 8 раз, составила всего 41%.

Еще быстрее росло население ОАЭ. Число граждан всех семи эмиратов достигло в 1975 г. 200 тыс. человек, что вчетверо превысило показатели 40-х годов, но, принимая во внимание наличие в стране 456 тыс. иностранцев, доля граждан ОАЭ составила в том же году лишь 30% от общей численности их населения. При этом основная часть оказалась сосредоточенной в самых богатых нефтедобывающих эмиратах, экономика которых развивалась наиболее стремительными темпами.

Население Катара и особенно ОАЭ стало быстро расти в 70-е годы, когда оно фактически удваивалось каждые четыре года. Уже в середине 70-х годов массовая иммиграция из-за рубежа привела к тому, что почти три четверти населения обеих стран составляли мужчины. Это вполне объяснимо, так как многие приезжающие в Катар и ОАЭ рассматривают свое пребывание в этих странах как временное. Они оставляют свои семьи на родине, отсылая им большую часть заработка.

Почти пятикратное повышение цен на нефть в 1973— 1974 гг. странами ОПЕК, членами которой являются Катар и ОАЭ, сопровождалось не только ростом их доходов от продажи нефти, но и скачкообразным ростом населения. Только за один год (1974—1975) население Катара выросло почти вдвое, Дубая — более чем в 2 раза, Абу-Даби — в 2,5 раза, причем исключительно за счет хлынувшей в них в поисках заработков иностранной рабочей силы. В последующие годы общие темпы прироста населения обеих стран стабилизировались на уровне 12—15% в год.

Модернистская мечеть в оазисе Эль- Айн (ОАЭ)

За пять лет (с 1975 по 1980 г.) население Катара возросло, по некоторым оценкам, приблизительно до 220 тыс. человек, и при сохранении нынешних темпов прироста его численность в 1985 г. превысит полумиллионный рубеж. Население ОАЭ выросло вдвое — до 1,3 млн. человек в 1980 г. и к концу текущего пятилетия может достичь 2,5 млн. человек.

При этом доля граждан обеих стран в общей численности населения катастрофически уменьшается. Ведь естественный прирост населения, хотя и довольно высок (3% в год), намного отстает от темпов роста всего населения. Доля коренного населения в Катаре уменьшилась к 1980 г. до 30% и, по оценкам, к 1985 г. составит лишь 24%, в ОАЭ она снизилась до 21%, а концу нынешнего пятилетия должна упасть до 13%. Это означает, что граждане Катара и ОАЭ, уже занимающие в обществе обеих стран особое положение, постепенно превращаются в привилегированную элиту.

Уличная сценка в Дохе (Катар)

В результате проблема иностранной рабочей силы с конца 70-х годов превратилась в один из самых острых внутривластных вопросов как в Катаре, так и в ОАЭ. Правительства этих стран столкнулись с необходимостью решать целый ряд неотложных задач. Речь идет прежде всего о допустимых пределах роста доли иностранцев в общей численности населения, способах регулирования их притока и оттока, в том числе о путях борьбы с незаконной иммиграцией. Важными также стали проблемы политического и социального статуса иностранцев в местном обществе, их национального состава.

Особую остроту эти проблемы приобрели после того, как правительства обеих стран по мере осуществления планов экономического развития начали осознавать тот факт, что иностранная рабочая сила — фактор не временный, а постоянный. Именно такой подход позволяет проектировать и сооружать новые крупные предприятия: полное обеспечение их рабочей силой можно осуществить только при наличии постоянно работающих иностранцев. Поэтому власти Катара и ОАЭ были вынуждены пойти на создание специальных учебных центров по подготовке кадров из числа законтрактованных на работу иностранцев.

Кто же эти люди, оставившие родные места и устремившиеся в страны с тяжелым климатом, на которые в результате «каприза природы» пролился «золотой дождь» — доходы от экспорта нефти. Если в 60-е и в первой половине 70-х годов иммиграция в обе страны шла в значительной степени стихийно, то затем она стала ограничиваться, так как бесконтрольный ее приток стал рассматриваться властями как угроза политической и социальной стабильности традиционных обществ. Вместе с тем в отдельных княжествах ОАЭ подход к проблеме иммиграции иной. Например, Дубай по-прежнему придерживается принципа свободного перемещения рабочей силы — без контрактов и каких бы то ни было официальных разрешений, что на практике означает открытие границ ОАЭ для иностранцев.

Поскольку иммигранты, приезжающие на заработки, обеспечивают нормальную работу практически всего хозяйства обеих стран, среди них есть представители самых разных специальностей и профессий — от рабочих до врачей, инженеров и университетских преподавателей, а также огромное количество неквалифицированной рабочей силы из близких и далеких — от Иордании до Филиппин — стран. Иностранцы уже почти полностью заменили местных жителей в

сфере сельскохозяйственного производства, они же «монополисты» таких профессий, как разнорабочие на стройке, землекопы, уборщики мусора и т. п.

Процесс почти полного самоустранения местного населения от производственной деятельности зашел столь далеко, что практически невозможно увидеть коренного жителя, работающего, скажем, на стройке или промышленном предприятии. «Благотворительная» деятельность государства сделала производительный труд не столь уж обязательным в жизни граждан Катара и ОАЭ, поэтому доля занятых среди них постоянно падает: в 70-е годы она составляла в Катаре лишь 18%, а в ОАЭ — 22% от общего числа коренных жителей. И это несмотря на то, что данный показатель в Катаре и ОАЭ был всегда значительно ниже средних данных по другим развивающимся странам за счет искусственного исключения женщин из трудовой деятельности. Среди иммигрантов, напротив, доля экономически активного населения побила рекорды: в этих двух странах она оценивалась в 50—60%.

Катар и ОАЭ заметно отличаются от соседних Саудовской Аравии и Кувейта в отношении национального состава иностранной рабочей силы, занятой в их хозяйствах. В Катаре в середине 70-х годов выходцы из неарабских стран Азии составляли 53%, арабы — 38% занятых иммигрантов, остальные, главным образом европейцы и американцы, занимающие высокие инженерные должности и посты в банковском деле, — 9%. В ОАЭ доля выходцев из Азии была еще выше — 65%, арабов и остальных — 25% и 10% соответственно. Правящие круги этих двух государств, намеренно забывая о лозунгах арабской солидарности, не предоставляют выходцам из стран арабского региона преимуществ при въезде в страну на работу, как это до недавнего времени делали их более крупные «нефтяные» соседи. Напротив, исходя прежде всего из соображений сохранения политической стабильности, власти Катара и ОАЭ привлекают главным образом рабочих из неарабских азиатских стран, в основном из Индии и Пакистана, а с конца 70-х годов — из Южной Кореи, Таиланда, Тайваня. Языковой и культурный барьеры, замкнутый в рамках землячеств образ жизни, минимум контактов с местным населением — это то, что дает возможность властям надеяться на сохранение политической стабильности. При этом в последние годы иностранные рабочие привлекаются в основном из тех стран, в которых сохраняются консервативные или реакционные проимпериалистические режимы.

Очень немногие иммигранты имеют возможность получить в Катаре и ОАЭ официальные права гражданства. Например, власти ОАЭ предоставляют права гражданства только выходцам из Омана, Кувейта, Бахрейна и других стран Персидского залива при условии их проживания в стране в течение трех-пяти лет к моменту получения гражданства. Выдача паспортов ОАЭ арабам из других стран производится крайне редко, несмотря на то что они могут проживать в ОАЭ много лет. Это объясняется опасениями правящей элиты иметь в числе граждан своей страны людей с гораздо более высоким по сравнению с коренным населением уровнем политического сознания, которые в будущем могли бы стать силой, выступающей за изменение отсталого социально-политического строя.

Законами Катара и ОАЭ запрещено создание политических партий и профсоюзов как коренными жителями, так и тем более иностранцами. Причем иностранные граждане гораздо более обездолены — ведь до сих пор в странах нет законов, регулирующих отношения между предпринимателями и рабочими. Над ними постоянно висит угроза высылки из страны административным решением властей за малейшее проявление недовольства. Кроме того, с целью предотвратить объединение в любой форме иностранных рабочих власти стараются сохранять разнь между различными национальными общинами, используя для этого религиозную нетерпимость, национальные и кастовые предрассудки.

Однако тяжелые условия труда, социальное и политическое бесправие, относительно низкий уровень заработной платы все чаще вызывают вспышки недовольства иностранных рабочих, выливающиеся в забастовки, которые запрещены законодательствами обеих стран. В ходе забастовок, прокатившихся в конце 70-х годов по Катару и некоторым княжествам ОАЭ, бастующие рабочие-нефтяники, муниципальные рабочие и другие требовали равенства перед законом всего населения, повышения заработной платы и улучшения жилищных условий. Эти требования весьма характерны и опровергают представление о Катаре и ОАЭ как о некоей разновидности «государств всеобщего благоденствия», сложившееся у части населения на Западе под впечатлением высоких усредненных показателей дохода на душу населения в этих странах.

Возникший в процессе капиталистического развития Катара и ОАЭ рабочий класс, тот класс, который превратится со временем в творца будущего этих стран, отличается рядом важных специфических черт. Речь прежде всего идет о его структуре. На три четверти и более — в зависимости от отрасли хозяйства — он состоит из иностранцев.

Это обстоятельство не устранил, но, скорее, умножит специфические проблемы обеих стран — социальные, межнациональные, политические, с которыми они сталкиваются уже в настоящее время.

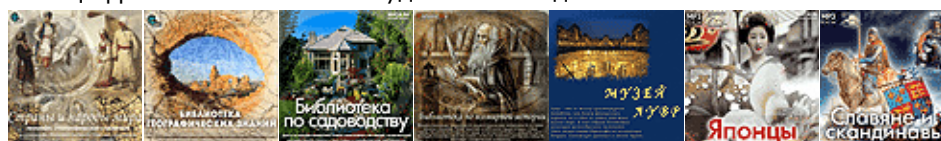
Двойственная структура рабочего класса, состоящего из граждан нефтяных монархий и иностранцев, привела к его делению на привилегированное — в социальной и политической областях — меньшинство и бесправное в любых сферах общественно-политической жизни большинство.

В силу своей молодости и разобщенности рабочему классу Катара и ОАЭ пока трудно выдвинуться на политическую авансцену в качестве единой социально-политической силы, отстаивающей свои общие классовые интересы. Однако исторический опыт свидетельствует о том, что этот класс по мере роста политического самосознания, несомненно, будет стремиться к единству, ломать искусственно воздвигнутые перегородки и все активнее выступать за социальный и политический прогресс.

Вместе с тем первому поколению пролетариата Катара и ОАЭ весьма трудно выработать классовое самосознание, так как социальная стратегия правящих кругов обеих стран направлена на создание имущественного и правового контраста между местными и иностранными рабочими для того, чтобы помешать им объединиться в борьбе за свои классовые интересы.

Цифровые библиотеки и аудиокниги на дисках почтой от INNOBI.RU

© Алексей Сергеевич Злыгостев, статьи, подборка материалов, разработка ПО, оформление 2001–2011

Елена Александровна Абидова (Пугачёва) автор статей справочника по странам мира и энциклопедии городов

При цитировании материалов проекта (в рамках допустимых законодательством РФ) активная ссылка на страницу первоисточник обязательна:

"Geography.su: Страны и народы мира"